

УДК 392
ББК 63.5 (2 Рос-Калм)

УСЫНОВЛЕНИЕ И ОПЕКА В КАЛМЫЦКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX в.

*Adoption and Guardianship in the Kalmyk Society in the 19th century**

В. В. Батыров (*V. Batyrov*)¹ Е. А. Команджаев (*E. Komandzhaev*)²

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of History, Senior Scientist of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: valerabatyrov@gmail.com.

² кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Калмыцкого государственного университета (Ph.D. of Law, Associate Professor of the Department of Theory of the State and Law at Kalmyk State University). E-mail: tgp_kalmsu@mail.ru.

Статья посвящена рассмотрению и анализу широко распространенного в прошлом обычая усыновления детей родственниками бездетными семьями (по линии отца). Представленные факты позволяют нам говорить о том, что институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен в обществе среди всех социальных слоев. Более того, бездетные семьи могли усыновлять даже детей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

Ключевые слова: усыновление/удочерение, семья и брак у калмыков, история Калмыкии, традиционная культура, обычное право.

The social institution of adoption as a form of establishing artificial relationship, which was a common practice in traditional societies, exercised a prominent function of transition of power, material wealth and social status to successors. Adoption instituted the same rights and duties between the adoptive parents on the one part and the adopted child on the other part as between parents and their children.

The tradition of adopting children of relatives by childless families (patrilineal relatives), as well as the tradition of fostering orphans in the families of deceased father's brothers continued throughout the 19th century in the Kalmyk society. If Kalmyk children lost their parents, they were fostered in closely-related families. Childless families used to adopt a child of their relatives at their own will. It was commonly believed, that this adopted child would inevitably favor the birth of the family's own children.

Another reason for adoption was the will to ensure a secure old age. In the 19th century the institute of adoption in Kalmykia was common enough for all social strata: 'according to our Kalmyk rights and traditions, whoever a proprietor 'zaisan' or an ordinary Kalmyk wishes to adopt, it shall be approved'. Moreover, childless families could even adopt children of a different lineage, provided the elder patrilineal relatives give their consent, and hand them down their property, uluses or aimags (territories) even if they had the children of their own.

Keywords: adoption, guardianship, family and marriage of Kalmyks, History of Kalmykia, traditional culture, customary law.

Социальный институт усыновления как форма установления искусственного родства, широко практиковавшийся в традиционных обществах, с давних пор выполнял важную функцию передачи власти, материального достатка и общественного статуса

наследникам. В данном случае усыновление или удочерение (далее — усыновление) — это акт, в результате которого между усыновителями (усыновителем) и его родственниками, с одной стороны, и усыновленным ребенком — с другой, возникают такие же

* Статья подготовлена в рамках проекта госзадания Минобрнауки России «Кочевое общество и хозяйство калмыков в конце XVIII – начале XX века: проблемы интеграции в общероссийскую систему» (КалмГУ, код проекта № 2641).

права и обязанности, как между родителями и детьми, а также их родственниками по происхождению [Топоркова 2010: 179; Зайкова 2011: 12; Бимбаева 2013: 146]. Отдельно стоит только упомянуть распространенный в XVIII в. среди калмыков обычай аталычества — временного усыновления.

Широко распространенный в прошлом обычай усыновления детей родственников бездетными семьями (по линии отца), а также традиция воспитания сирот в семьях братьев покойного отца сохранялась на протяжении всего XIX в. Если калмыцкие дети лишались родителей, то они воспитывались в близкородственных семьях. Часто бездетные семьи сами усыновляли/удочеряли ребенка из семьи своих родственников. Считалось, что такой приемный ребенок неизбежно будет способствовать рождению своих родных детей. Для этого бездетные супруги приезжали с подарками к родителям ребенка в определенный день и просили его мать о даровании им дитяти. При этом будущие родители должны были переночевать в доме своего будущего сына и уезжали только на рассвете [Шараева 2011: 28–29]. При этом для калмыков до недавнего прошлого был характерен обычай усыновления преимущественно мальчиков, в случае бездетности. Именно этот обычай заставлял калмыков обращаться к многодетным, но испытывающим материальные трудности родственникам [Шалхаков 1982: 55].

К усыновлению прибегали обычно представители всех сословий калмыцкого общества. М. М. Батмаев писал, что «возраст усыновляемого мог быть любым, даже вполне перерезлым, но усыновление обязательно должно было быть оформлено письменно, с доведением до сведения нойона, а позже судей Зарго и даже царской администрации. Причины усыновления могли быть различными, но главная из них — в случае бездетности обеспечить свою старость и передать наследство» [Батмаев 2002: 154].

В 1803 г. багацохуровский зайсанг Арши усыновил зайсанга Онкора и передал ему в управление аймак и «все имение» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24]. Для нас интересным является тот факт, что свое прошение об усыновлении зайсанг Арши обосновал установлением обычного права: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелец зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают» [НА РК. Ф. 1.

Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. Более того, в другом своем прошении, от 27 мая 1804 г. на имя исправляющего должность Главного пристава калмыцкого народа, коллежского асессора П. П. Крупинского, зайсанг Арши определял достаточно высокую роль усыновления в жизни традиционного общества: «по нашему калмыцкому узаконению, владельцы, зайсанги, и простой черный народ многие имеют приемышев» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 22].

К слову сказать, данное усыновление не было первым в жизни зайсанга Арши, поскольку до этого он уже усыновлял своего родственника, Иши Аракбу Гелюнга. Примечательно, что в прошении зайсанга Арши к Багацохуровскому приставу Александру Михайлову от 7 мая 1803 г. причина усыновления объяснялась желанием обеспечить себе достойную старость. Арши писал: «при старости лет умножились у меня болезненные припадки», — и «для призрения себя» он усыновил доводящегося ему родственником Иши Аракбу Гелюнга. В письме было изложено мнение зайсанга Арши об обязанностях приемного сына и высказано недовольство усыновленным Иши Аракбой, который «ныне непризирает меня, и два года назад тому неприезжает ко мне, о болезни моей ненаведывается и аймаком не управляет, по государственным делам и надобностям исполнение чинить не может, и распутную жизнь ведет». Поэтому зайсанг Арши решил передать свой аймак и имущество «однородному своему» зайсангу Онкору, сыну Кошты. В сыновнюю обязанность усыновленному вменяется не только то, чтобы он «при жизни моей по долгу сыновнему меня призирал», но и чтобы после его смерти «поминование зделал, жену и дочь мою имел на собственном попечении». Только после принятия этих условий Арши выразил свое намерение об усыновлении с последующим унаследованием в официальной формуле: «для чего его усыновляю и прошу представить о чем главному приставу и исходатайствовать повеление по коему бы лутче было аймак мой написать в опись за ним Онкором» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 2].

На слушании дела 27 мая 1803 г. судьями Зарго и главным приставом по прошению багацохуровского зайсанга Арши приставу багацохуровского улуса А. Михайлову было определено «отобрать подписки от аймашных зайсанга Арши желают ли

они учредить у себя зайсангом Кошты сына Онкора». И в случае, если «все пожелают учредить Онкора зайсангом тогда дать ему о владении оным ... и дело числить решенным» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5об.]. Однако до решения дела было еще далеко, поскольку выяснилось, что калмыки шовучинерова рода объявили, что «мы Онкора иметь зайсангом не желаем по причине что мы шовучинеры издревле сильною рукою никому в ведение от даваемы не были, о чем уповаем мы что торгоуовские владельцы и зайсанги могут быть известны» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 10].

В свою очередь правители Багацохуровского улуса отписались по поводу законности отмены предыдущего усыновления: «хотя он Арше точно родственник», Иши Аракба Гелюнг не имеет права управлять аймаком, потому что он гелюнг и «в свецкие дела входить не должен, а сверх того и отца своего который усыновил его непризнает, почему аймак ведать и управлять не может». Далее правители всецело поддержали кандидатуру зайсанга Онкора, так как «может управлять аймаком природной зайсанг» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 12]. Наконец сам Иши Аракба Гелюнг заявил, что зайсанг Арши усыновил его при свидетельстве Орчи ламы и багацохуровских правителей и бывшего пристава Д. Петрухина [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. В конечном итоге, неразбериха, связанная с двойным усыновлением, привела к тому, что «аймак мой услыша сие не у меня ни у усыновленного сына моего Онкора не находится, а кочует оставя меня больного (зайсанга Арши) по своей воле» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 19]. 7 июля 1804 г. зайсанг Арши умер, брошенный своими аймачными людьми, оставив так и не решенным вопрос о своем наследнике [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 31].

Неоднократные прошения калмыков шовучинерова рода сделали свое дело, и 15 сентября 1805 г. суд Зарго заключил, что поскольку аймак «добровольно и принужденно сам пожелал быть во управлении означенного Санжи Аракба Гелюнга», то и утвердить их в его ведомстве [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.]. 26 февраля 1806 г., спустя почти два года, багацохуровский зайсанг Онкор Коштуев подал прошение исправляющему должность Главного пристава П. П. Крупинскому, в котором с неудовольствием указывал на то, что, когда за-

йсанг Арши усыновил его, то он «при жизни его Арши содержал равно и по смерти его по обыкновению своему употребляя все возможности зделал по нем должное поминовение а оставшиеся после его жена и дочь оставались на моем содержании», а в 1806 г. последовало решение передать аймак Иши Аракбе Гелюнгу. Несмотря на то, что Онкор не являлся близким родственником умершего зайсанга Арши, он указывал на различные примеры того, что «Владельцы торгоуовских дербетовских хошоутовских и их зайсангов в коих есть то что кто будучи бездетен в таком случае усыновливают и отдают посторонним в наследство владении свои и аймаки и при том есть и таковые которые хотя и имеют у себя детей но аймаки отдают также другим» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 57–57об.].

В 1821 г. произошло новое разбирательство по поводу нерадивости приемных сыновей. Так, торгутский владелец Эрдени Цаган Кичиков, духовенство, зайсанги, старшины и «весь народ» подали прошение управляющему Министерством иностранных дел графу К. В. Нессельроде, в котором писали, что «родовой владелец наш Эрдени не имеет у себя наследника; которой бы мог после его управлять улусом ему подвластным, по согласию детей владельца Цебек Убушиева, давших от себя Заверительное письмо, усыновил он с общего согласия нашего, умершаго брата причитающагося ему во 2-м колене владельца Санжи Убаши, сына Амугулунг Убушиева». В прошении было указано, что разрешение на усыновление было получено в 1814 г. и от суда Зарго, и от отца Санжи Убуши [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 2–2об.]. В деле указывалась любопытная подробность: «владелец Амгулунг получить должен по разделу равную часть и пользоваться с ними во всех случаях одними правами». Интересно то, что в прошлом и отец владельца Амгулунга сам был усыновлен владелицей Яндыковского улуса Битюкой [Батмаев 2008: 82]. Уже спустя два года, в 1822 г. владелец Эрдени подал донесение Астраханскому гражданскому губернатору П. А. Зотову с жалобой на своего приемного сына Амгуланг Убашу, который «в нынешнем году, как Ламе моему, так и многим зайсангам и всему подвластному народу причинившему беззаконно разныя несносныя обиды» и уехал в дербетовский улус [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 29]. В ответ мать приемного сына владелица Над-

мид писала Главному приставу А. В. Каханову, что «сын мой находился у владельца Эрдени, по причине той, что жена его (т. е. Эрдени Тундутова. — В. Б., Е. К.) владелица Цебек, а моя старшая сестра не имела у себя детей мужеска пола, просила меня на малое число лет оставить его при себе для увеселения и препровождения времени». [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 174. Л. 21–22].

21 июня 1822 г. Главный пристав А. В. Каханов подал рапорт Астраханскому гражданскому губернатору И. И. Попову о том, что в казенном Эркетеневском улусе «с некоторого времени допущена капитанша Улюмжи управлять аймаком в 300 кибитках состоящим, но как по закону калмыцкому не дозволяется иметь владение женскому полу», то для удержания за собой аймака она усыновила двух детей: своего внука Шарапа и сына зайсанга Мирзы Церен Убаши. В 1815 г. Суд Зарго признал факт усыновления и постановил, чтобы теми 300 кибитками Шарап и Церен Убаши владели как родные братья. А 10 июня 1817 г. зайсангша Улюмжи добилась того, что суд Зарго определил управление 300 кибитками выбранными ею опекунами (Ончик Гелюнг Делибаев, Габун Убаши и Миргаши), а ей предоставлено было право старшинства над опекунами. Однако в 1821 г. представители Булучинова рода подали прошение, в котором они просили поставить над ними зайсангом Церена Убаши, сына зайсанга Мирзы. В том же году зайсангша Амгулун подала прошение, в котором указывала, что прежде в замужестве она была «за Мукою, сыном зайсанга Ончика, а по смерти его свекровь ея зайсангша Улюмжи выдала ея в замужество за брата того Ончика зайсанга Мирзу», от которого она родила сына Церен Убаши, но зайсангша Улюмжи усыновила неизвестно от кого рожденного мальчика Шарапа. Примечательно то, что зайсангша Улюмжи усыновила Шарапа и своего племянника Церен Убаши, но у последнего была еще и родная мать Амгулун [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 48]. В данном случае такая форма искусственного родства была всецело продиктована желанием зайсангши Улюмжи сохранить власть над аймаком.

Понятно, что живейший интерес всего калмыцкого общества вызвал мальчик по имени Шарап, который неожиданно для всех стал сыном зайсангши Улюмжи. В 1823 г. было проведено расследование, в

ходе которого аймачные старики показали под присягой, что мальчик Шарап был рожден от крещеной калмычки Токту Косикинской станицы, которого после смерти сына зайсангши Улюмжи, Джиргала, в 1807 г. привез калмык цатанова рода Цурюм Гелюнг Зундуев и передал его зайсангше Улюмжи сказав, что это сын Джиргала. Однако калмык по имени Джамбо Гелюнг Камоков объявил, что в мае 1822 г. приезжал к зайсангше Улюмжи казак Косикинской станицы Никита Гоглазин и требовал от нее вернуть ему его сына Шарапа, но Улюмжи уговорила его, чтоб он не брал сына, и за то подарила ему двух лошадей, «с коими он приезжал к бывшему тогда приставу Харагулову и сказывал, что Улюмжи велела ему приезжать еще за деньгами».

По результатам следствия, проведенного в Косикинской станице, выяснилось, что Шарап был рожден от калмычки Токты, которая «по русски называлась Прасковья», а была в замужестве за крещеным калмыком по имени Мишанька из Багацхуровского улуса. А после смерти мужа, будучи долгое время вдовой, прижила сына, «ис кем неизвестно коего по калмыцки называли Шарапом». Урядник Гоглазин сообщал, что в 1822 г. был в Эркетеневском улусе у зайсангши Улюмжи с приставом Харагуловым, но о мальчике Шарапе сообщил, что он сын дочери казака Ивана Чемгинова, Прасковьи. Однако, как Шарап был усыновлен зайсангшею, он не знал. В подтверждение его слов сестра мальчика Авдотья и его тетка Анна показали, что Токта, проживая в Косикинской станице, «будучи вдовой родила сына Шарапа а с кем не знают» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 179. Л. 129–134].

При усыновлении у калмыков нередко возникали вопросы, связанные с особенностями большой патриархальной семьи. Так, в 1837 г. Комиссия калмыцких дел при рассмотрении дела о наследовании аймаком, оставшимся после смерти багацхуровского зайсанга Атуя, столкнулась с претензиями родственника по женской линии зайсанга, Нимы, который предъявлял права на аймак на том основании, что он был усыновлен Атуем. Комиссия нашла необходимым передать это дело на рассмотрение хошутскому владельцу Церен-Норбо Тюменю как знатоку «древнего калмыцкого уложения». В ответ Ц.-Н. Тюмень сообщил, что по древнему калмыцко-

му уложению усыновлять кого-либо можно только тогда, когда изъявлено согласие со стороны родственников усыновляющего, «на что Джанов, родственник Атуя по мужской линии разрешения на усыновление Нимы не давал» [Бюлер 1846: 9].

Таким образом, усыновление было одним из способов решения проблемы бездетности у калмыков. Институт усыновления у калмыков в XIX в. был достаточно распространен среди всех социальных слоев

общества: «по нашим калмыцким правам и обычаям владелиц зайсанг или простой калмык пожелает кого усыновить того утверждают». Более того, бездетные семьи могли усыновлять, при согласии старших родственников по мужской линии, даже людей, не состоящих с ними в кровном родстве, и передавать им в дальнейшем в наследство свое имущество, улусы или аймаки (в зависимости от социальной принадлежности) даже при наличии собственных детей.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 24; 174; 179.

Литература

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издат. дом “Герел”», 2008. 256 с.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.

Бимбаева О. Л. Историко-правовой анализ института усыновления в России в XIX веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. №4. 2013. С. 145–148.

Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Статья четвертая. Калмыки, их степной быт и нравы, управление и судопроизводство // Отечественные записки. Т. XLIX. Кн. II.

С.-Петербург: В типографии И. Глазунова и Комп., 1846. С. 1–44

Зайкова О. Н. Усыновление как социокультурное явление: автореф. дис. ... канд. культурологии / Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск: типография ЧГАКИ, 2011. 27 с.

Топоркова Е. П. Феномен «адопция»: теоретико-методологический аспект // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2010. № 4. С. 178–182.

Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX–XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.

Sources

[The National Archive of the Republic of Kalmykia. Fund 1. Invent. 1. Case 24; 174; 179]. (In Russ.)

References

Batmaev M. M. [Family and Marriage in the Traditions of the Kalmyks]. Elista: Gerel, 2008. 256 p. (In Russ.)

Batmaev M. M. [Social-political System and Economy of Kalmyks in XVII–XVIII cent.]. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)

Bimbaeva O. L. [Historical and Legal Analysis of Adoption Institute in Russia in XIX cent.]. *Bulletin of Irkutsk State Academy of Economics*. 2013. No. 4. Pp. 145–148. (In Russ.)

Bühler F. A. [Nomadic and Settled Non-Slavs Living in Astrakhan Province. Article Four. Kalmyks, their Steppe Life and Manners, Management and Legal Proceedings]. *Domestic Notes*. Vol. XLIX. Book II. St. Petersburg:

I. Glazunov and Com.'s Print. shop, 1846. Pp. 1–44. (In Russ.)

Shalkhakov D. D. [Kalmyk Family and Marriage (XIX – early XX cent.). Historical and Ethnographic Research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 86 p. (In Russ.)

Sharaeva T. I. [Rites of Life Cycle of the Kalmyks (XIX–XXI cent.)]. Elista: Dzhangar, 2011. 223 p. (In Russ.)

Toporkova E. P. [The Phenomenon of “Adoption”: Theoretical and Methodological Aspect]. *Scientific Notes of Transbaikalian State University*. Ser.: Philosophy, Sociology, Culturology, Social Work. 2010. No. 4. Pp. 178–182. (In Russ.)

Zaikova O. N. [Adoption as a Sociocultural Phenomenon]. Cand. Sc. thesis (Cultural Sciences) abstract. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Acad. of Culture and Arts Print. shop, 2011. 27 p. (In Russ.)